

УДК 911

СТРАНОВЕДЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2016 г. Ю.Н. Голубчиков*, В.М. Котляков**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Россия

**Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: golubchikov@list.ru, vladkot6@gmail.com

Поступила в редакцию 01.06.2015 г.

Многие полагают, что традиционное описательное страноведение себя исчерпало. Господствует позиция, что подтвержденная количественными измерениями закономерность научна и весома, а страноведческое описание не является вкладом в науку. Но подавляющее большинство людей полагает, что география – это наука о странах. Игнорирование краеведения и страноведения географами ведет к пренебрежению возможностями географической науки. Задача конструирования национальной географии требует единения ее физической и социально-экономической ветвей, связи их обеих с историей и политикой. Необходима коррекция учебных планов географических, гуманитарных и туристических специальностей вузов. В многотомных страноведческих изданиях “Россия” и “Живописная Россия” природа подавалась вместе с укладом, бытом и стилем мышления населяющих ее людей. В отсутствии человека кроется незавершенность сходных по целям и задачам изданий “Советский Союз” и “Природные условия и естественные ресурсы СССР”, выпускавшихся в 1960-х – начале 1970-х годов.

Для авторитета любого государства конструирование своего притягательного портрета не менее важно, чем укрепления военно-экономического могущества. Глобальная роль России состоит в том, что она – своего рода биосферно-терапевтический резерват земного шара, почти половина ее пространств не отягощена антропогенной и техногенной нагрузкой. Политическую преемственность страны обеспечивают именно ее географические атрибуты. Вместе с традиционным делением географии на физическую и социально-экономическую следовало бы подчеркнуть и другие две главные ее части – общую географию, или землеведение, и региональную географию, или страноведение.

Ключевые слова: глобальная роль России, землеведение, имидж России, краеведение, россиеведение, страноведение, туризм.

Страноведение. Со времен Варениуса география делилась на общее землеведение и страноведение. Обе ветви были антропогеографичными, соединявшими физическую географию с человеком. Карл Риттер [59] рассматривал свою науку как не только физическую, но и историческую, изучающую воздействие законов природы на великие исторические явления. Первый том выпущенной им в 1882 г. книги “Антропогеография” Фридрих Ратцель сопроводил подзаголовком “Основы применения землеведения к истории” [63, 74]. Составной частью землеведения была антропогеография (география человека, human geography).

Л.С. Берг полагал, что «под именем географии обычно смешивают две совершенно различные

науки: именно т.н. “физическую географию” и страноведение. Первая, как мы видели, изучает: 1) процессы, происходящие в воздухе, воде и земной коре, 2) формы земной поверхности и составляет одну из частей космической физики. Вторая, страноведение, есть хорологическая наука, и за ней то и должно быть удержано название географии» [11, с. 21]. При этом Л.С. Берг считал, что “описание областей, выделяемых на основании административных или политических границ, является ненаучным” [9, с. 473].

Учение о ландшафтах Л.С. Берг рассматривал не как часть географии, а как сам предмет географии. “Ландшафтоведение и есть география. Вместе с тем оно есть усовершенствованное, утонченное страноведение. Исключать из учения

о ландшафтах географию человека нет никаких оснований... в сущности, в ландшафтоведение должна войти вся география человека» [11, с. 30]. Иными словами, антропогеографию ученый рассматривал как часть ландшафтоведения.

Остается только представить, сколь яркой была бы география человека, если бы подход Берга об интеграции ее в ландшафтоведение удалось реализовать. Но попытки объединения так называемых законов исторического и диалектического материализма в одной концептуальной схеме в советской науке подавлялись.

Н.Н. Баранский рассматривал страноведение как купол над зданием географии и подчеркивал две фундаментальные его основы: ландшафтоведение и учение об экономическом районе. Ни физическая, ни экономическая география в отдельности не могут дать даже сколько-нибудь цельного представления об облике страны или района. Это дело требует специалистов-страноведов, а не просто физикогеографов или экономикогеографов. Отсюда вытекает необходимость создания “третьей особой специальности – страноведческой”. “Только в виде страноведческих сводок, хорошо литературно оформленных, география приобретает общедоступную и общественно интересную форму, становится, так сказать, готовым для широкого рынка товаром. Только в этой форме география вполне в широком смысле слова утверждает свое право на существование, входит общепризнанным элементом в сокровищницу национальной культуры” [5, с. 50]. Развивая взгляды Баранского, Б.Б. Родоман полагал, что именно в страноведении происходит общегеографический синтез, и квалифицировал всю прочую научную географическую литературу как “грудю сырья” для страноведческих описаний [61, с. 319].

В дальнейшем высказывалось мнение, что «традиционное описательное страноведение исчерпало себя и термин “страноведение” устарел. При этом он не выдерживает экзамена на вхождение в международную географическую терминологию, где прочно утвердился термин “региональная география”» [34, с. 52]. В этой связи В.П. Нарезный замечает, что ставшее в последние десятилетия достаточно широко распространенным название “регионоведение”, или “регионология”, есть не что иное, как один из разделов страноведения [54].

Между тем выросли поколения географов, рассматривающие страноведческие направления как нечто “ненаучное” и “популяризаторское”. Это последствия доминирования позитивизма. В очередной раз подтвержденная количествен-

ными измерениями закономерность научна и весома, а страноведческое описание не является вкладом в науку. “Энциклопедическое описание страны не есть самостоятельный научный труд, дающий какое-либо новое знание об описываемой территории. Это более или менее удачная компиляция, не ставящая целью установить взаимные связи между отдельными структурными элементами, тогда как в научном географическом исследовании это самое главное” [34, с. 51]. Тем самым страноведение вытесняется из географической науки. В отечественной географии, к примеру, нам неизвестны докторские диссертации по страноведению. Эта сфера на глазах уступается филологам и социологам. «При этом идет гонка поисков “номотетических” задач, решений и “законов” распределения тех или иных явлений и структур» [35, с. 20].

Подавляющее большинство людей полагает, что география – это наука о странах. Но географической литературы такого рода, созданной для широкого читателя самими географами, одно время почти не было. Из географических отечественных изданий выпали живые описания природы и человека, культурно-географические и антропогеографические характеристики. Почти все ученые, так или иначе способствовавшие становлению страноведения и/или антропогеографии, развивали свои взгляды в СССР с огромными препятствиями. «Некоторые из них, как А.Л. Чижевский и Л.Н. Гумилев, сидели в исправительных лагерях. Философские воззрения В.И. Вернадского, Н.К. Рериха считались маргинальными, Н.Ф. Федоров в лучшем случае считался чудачком. Официальная наука препятствовала получению высоких научных званий (Л.Н. Гумилев, Е.В. Максимов)... Такие понятия, как ноосфера, цикличность и ритмичность природных и антропогенных, в том числе экономических и историко-культурных процессов, сакральная, семиотическая география, не признавались официальной отечественной наукой. Более того, бдительный официоз всегда угрожал и угрожает ярлыком “лженаука”» [26, с. 73–74].

Краеведение. Краеведение вплоть до 1930-х годов рассматривалось как “малое страноведение”, или “малая география” [6]. Географией родного края именовал его Л.С. Берг [10]. Краеведение было частью науки о всей России, которая называлась россиеведением, отечествоведением или родиноведением. Россиеведение стало шпилем над куполом здания географии. Применительно к крупным регионам использовались также такие термины, как “сибириведение”, “ураловедение”, “украиноведение”.

В 1920-е годы слово “родина” у новой власти оказалось “не в чести” и название “родиноведение” сменилось на более нейтральное – “краеведение”. А.С. Барков писал: «Под родиноведением понимается знакомство в школе с географией окружающей местности, знакомство, в основе которого непосредственные наблюдения, а современный термин “краеведение” появился на смену термина “родиноведение”» [6, с. 22].

Краеведение объединяло людей в стремлении не только познать свой край, или “малую родину”, но и улучшить жизнь своих близких и родных (“краеостроительство”) [20, 24]. В нем находили “убежище” в первые советские годы многие высококвалифицированные ученые. Они уходили сюда, чтобы сохраниться и не только профессионально, но и физически [71].

В 1930-е годы многие из любителей своего края были обвинены в “великорусском шовинизме” или “местном буржуазном национализме”. Краеведческие общества были ликвидированы, их лидеры репрессированы. Сотни краеведческих музеев оказались похожи один на другой.

В начале 1941 г. закрывается созданный В.П. Семеновым-Тянь-Шанским Географический музей в Ленинграде. На протяжении предшествующих 20 лет по своему богатству он считался третьим музеем в городе после Эрмитажа и Русского музея [13, с. 209]. “Ряд музеев вынужден прятать в фондах ценнейшие коллекции, лишь бы соблюсти заданный им шаблонный процент соотношения определенных разделов тематики. Ужгородский музей славился на всю Европу коллекциями бронзы и нумизматики, но все это было убрано в фонды” [29, с. 16].

Естественно-гуманитарное по своему существу краеведение, как и антропогеография, и само страноведение не вписывались в схему строгого разделения естественных и общественных законов материализма. Проблемное поле культурно-гуманитарно-географических исследований трансформировалось от антропогеографического круга идей о связях человека и земли во всем историческом и географическом разнообразии к размещению объектов соцкультбыта, – отмечает М.В. Рагулина [56]. “В отличие от зарубежной науки ряд направлений в отечественной географии был практически запрещен (те же геополитика и краеведение), а другие (география культуры) не получили должного развития” – пишет видный географ Ал.А. Григорьев [26, с. 41]. Возникла полная утрата интереса к краеведению у народа. Наука от краеведения отказалась, и оно обрелось в ведении краеведческих музеев, школ и турклубов.

Игнорирование краеведения и страноведения географами ведет к пренебрежению возможностями географической науки. Устранение тех препятствий, которые тормозят становление этих направлений в рамках географической науки, тем более актуально в условиях интереса к туризму и обострения локальных различий. Добротные страноведческие компиляции или краеведческие изыскания нередко в новом свете раскрывают географическую область и превращаются в лучших своих образцах в географический синтез. Они способствуют притоку к своему объекту все возрастающего потока посетителей и тем самым сопровождаются неявным, но выраженным экономическим эффектом.

Философия модерна избегала пространства. В науке XX в. доминировал идеал времени и развития. Евроцентричный прогресс со времен Просвещения описывался как восходящая лестница времени, в которой специфика пространства не имела никакого значения. Это была формационно-прогрессистская картина, в которой значение имели только фазовые, временные различия, например, между феодализмом и капитализмом. “Различия же страновые, континентальные в формационной теории лишены какого бы ни было значения”, – пишет А.С. Панарин [55].

Постмодерн обращает внимание на то, что пора развернуть гуманитарные науки от изучения в основном исторических процессов развития и прогресса к пространственным состояниям. В литературе появился термин “пространственный поворот в гуманитарных науках”, а к его выразителям причислены М. Фуко, А. Лефевр, Ш. Бодрийар, У. Эко [57]. “Это был важный вклад географии в общенаучную методологию и философскую рефлексию, и он весьма способствовал восстановлению репутации географии как фундаментальной науки”, – замечает Л.В. Смирнягин [65, с. 81].

Появившиеся в Интернете высокодетальные географические сервисы разрушают бюрократические барьеры в территориальном управлении. С их появлением любому пользователю сети, вне желания соответствующих ведомств, можно теперь бесплатно воспроизводить трехмерные модели земной поверхности в каком угодно масштабе. Ныне каждому открываются возможности участия в “строительстве” своего края, деревни, села, улицы.

Краеведение все в большей степени становится философско-сетевой базой муниципального управления (микрлополитики). Его цели на такой основе, видимо, совпадают с задачами ландшафт-

ной политики [27]. На этом пути можно предвидеть появление эффективных форм прямого народного самоуправления с исчезновением значения столиц и границ. Воплотятся мечты великого П.Н. Кропоткина.

Утверждается, что постиндустриальное общество будет построено не по типу иерархии институтов, а по типу сетевой паутины [70]. Метафора “сети” заменяет “регион” с четкими границами [76]. Паутина, в которой нет ничего ни фундаментального, ни второстепенного, становится центральной парадигмой надвигающегося постмодернистского общества [22].

Страбон определял географию как “изучение искусства жить”. Туризм, краеведение и гуманитарно-географические походы в науке интегрируют в себе эту возможность с укрепления здоровья и образования. “В этом смысле, позволим заметить, географическое знание социально более значимо, более прагматично, а в отдельных случаях – даже судьбоносно в сравнении с любым другим, за исключением разве что умения читать, писать и считать” [4, с. 13].

Реальность сегодня такова, что знания все больше передаются не столько от отца к сыну или от учителя к обучаемому, сколько через Интернет и компьютерные игры. Сегодня дети уже в 4–5 лет становятся уверенными пользователями компьютерных игр. С этим опытом им непросто скучно приниматься за чтение за партой. Обучаемые в некоторых отношениях знают не меньше обучающихся. Вместе с тем и у обучающихся есть свой опыт и свои знания, у них есть чему поучиться. Наилучшим образом связывают тех и других экскурсии или поход. Взаимообучение в них идет в режиме полилога – разговора многих участников, включая преподавателя, а иногда и местных жителей. Всестороннее общение с окружающей средой во всей ее полноте прямо способствует социализации человека и его выживанию на личном и популяционном уровне [64].

Трудно назвать лучший жанр для самостоятельного исследования школьников, чем туризм и краеведение. “Сама среда путешествия, новые условия бытия активизируют познавательные способности человека”, – пишет И.В. Зорин [33, с. 5–6]. Можно полагать, что поиск знания и понимания посредством туризма станет доминирующей темой образования текущего века.

Автор известных учебников по географии СССР для средней школы К.Ф. Строев [68] считал, что поисково-краеведческая деятельность учителя прямо ведет его к научно-исследовательской работе, и рассматривал краеведение как самую

доступную сферу приложения знаний учащихся для работ исследовательского характера. В самой своей сущности краеведение изначально было мощнейшим народным обеспечением научной деятельности [20]. Вряд ли можно найти более увлекательное занятие, чем познание родины. Но только если подается оно не фрагментарно, не порознь на века и просторы, а единым историческим пространством. География не должна упустить этот мощнейший ресурс осмысления мира.

Россиеведение. “Сегодня нам как никогда нужна национальная география! География, которая способствует реализации национальных интересов”, – отмечал Президент Русского географического общества С.В. Шойгу [72], открывая в Москве Международный арктический форум “Арктика – территория диалога”, 23–24 сентября 2010 г. Этот социальный заказ, как никогда ранее, корреспондирует с логикой развития географической науки.

Задача конструирования национальной географии требует единения ее физической и экономической ветвей, связи их обеих с историей и политикой. Связь географии с политическими целями и интересами государства традиционно устанавливает геополитика. Как часть идеологической доктрины она в явном или неявном виде имеется у любого государства. В.А. Колосов именует эту часть геостратегией – выбором направлений внешнеполитической деятельности [41]. Геополитика как составляющая идеологической доктрины страны и ее геостратегия охватывают широкий круг тем, но за их пределами остается реклама, направленная на возвышение страны и ее имиджевое продвижение в информационно-культурном пространстве.

Может быть, создавать национальную географию России следует начинать не столько с издания рекламных буклетов, сколько с коррекции учебных планов географических, гуманитарных и туристических специальностей вузов. Достойное место в российском образовательном процессе должны занять такие холистические дисциплины, как краеведение, антропогеография, россиеведение, география человека, гуманитарная география, культурная география, отечествоведение.

Ни один значимый зарубежный университет нельзя представить сегодня без гуманитарно-географического осмысления своей страны. Многие университеты занимаются и Россией. Специальность “россиеведение” есть во многих западноевропейских, японских, даже в польских университетах. В Сеуле с 1972 г. работает институт российских исследований университета между-

народных исследований Ханкук. Он имеет грант “Реконструкция гуманитарного пространства Российской Федерации: корейский взгляд” на период с 2009 по 2019 г. Это по существу корейское россиеведение, которое отличается от критически настроенного западного, а также китайского и японского. Институт предполагает издание монографий по каждому из субъектов РФ [50].

У нас ничего подобного нет. “Мы до сих пор не имеем комплексного страноведческого описания России, отвечающего современному состоянию изученности страны и современным требованиям науки и практики”, – отмечает А.Г. Исаченко [34, с. 49]. Хотя в прошлом такие страноведческие обзоры были. В многотомных страноведческих изданиях “Россия” [62] и “Живописная Россия” [30] природа подавалась взаимообусловленно с укладом, бытом и стилем мышления населяющих ее людей. В отсутствии человека кроется незавершенность сходных по целям и задачам изданий “Советский Союз” и “Природные условия и естественные ресурсы СССР”, выпускавшихся в 1960-х – начале 1970-х годов. Человека как такового главами о населении и экономике не заменить.

Кафедру отечествоведения хотел создать А.Н. Краснов [1]. В дальнейшем попыток создания кафедр россиеведения на географической основе не предпринималось. В советской и постсоветской географии россиеведение, краеведение, как и многие другие антропогеографические и страноведческие направления, были уступлены социологам, историкам, журналистам-международникам и вытеснены в сферу художественной литературы и публицистики. Там они продолжали жить. Оттуда вновь возвращались в быт советских людей.

Вместе с тем философско-методологические основы россиеведения формировались в виде отечественной школы культурной географии, представленной фундаментальными работами Ю.А. Веденина [15, 16], В.Н. Калуцкова [36, 37], В.Н. Стрелецкого [67], Ал.А. Григорьева [25, 26], Д.Н. Замятина [32], А.Г. Манакова [53]. Создание россиеведения как науки о России позволило бы не только расширить философско-предметное поле географии, но и повысить общую конкурентоспособность страны.

Имидж России. В деятельности каждого производства огромное значение придается рекламе продукции. Для авторитета любого государства конструирование своего притягательного портрета сегодня становится важнее укрепления военно-экономического могущества. А у самой огромной

страны мира ни одно ведомство не озабочено ни ее рекламированием, ни украшением, ни имиджевым продвижением.

Имидж России в мире неблагоприятен. Сравнительный анализ публикаций в течение трех месяцев некоторых известных “качественных газет” Франции (“Монд”), Германии (“Франкфуртер Альгемайне”) и США (“Вашингтон Пост”) показал, что Россия отображается ими преимущественно как источник негативной информации. Зарубежные масс-медиа зачастую представляют Россию как северную, бедную, нестабильную, недемократическую и малогостеприимную страну, место частых социальных и природных катаклизмов, хотя и располагающую крупными запасами нефти и газа. Согласно данным различных социологических опросов среди студентов, по привлекательности Россию ставят в самый конец списка; ниже только страны, охваченные вооруженными конфликтами или центры мусульманского фундаментализма (Ирак, Афганистан, Иран). Так, в рейтинге французских студентов Россия входит в одну группу стран вместе с Ираком, Китаем, Афганистаном, Ираном, Израилем, Алжиром и Северной Кореей, где студенты никогда не хотели бы жить. Так же отрицательно воспринимают нашу страну студенты из африканских стран (Сенегала, Египта и Камеруна). В целом студенты 17 стран поставили Россию по привлекательности на 166-е место среди государств и территорий мира. При этом географические образы и представления обладают большой инерцией, их трудно изменить [43].

В туристских поездках россияне больше отдадут предпочтение посещению зарубежных стран. Все привлекательные эстетические ресурсы России в восприятии московских респондентов (преимущественно студентов-гуманитариев) оказались западнее Нижнего Новгорода [19]. Из наиболее популярных для посещения городов среди постоянных клиентов турфирм не был назван ни один восточнее Екатеринбурга [51]. Не отстают от москвичей и дальневосточники. К примеру, жители Приморского края совершили в 2007 г. более 1 млн поездок в Китай. В то же время турфирмами края только один человек отправлен в Хабаровский край, три – в Амурскую область и ни одного – в Республику Саха (Якутию) и Камчатский край [23].

Приводится цифра в 13 млн россиян, выехавших в 2011 г. на отдых практически во все страны мира. В тот же год Россию посетили чуть более 2,3 млн иностранных туристов [49]. В связи с туризмом россияне вывезли в 2009 г. из страны

25 млрд долл. США [51], а привозится интуристами в Россию всего лишь 3–4 млрд долл. в год. Очевидно, что благодаря лишь туризму Россия стала одним из крупных финансовых доноров для многих стран мира.

Биосферное значение России. Сегодня в мире вновь доминирует геополитическое мышление, связывающее возможности государств с расширением и перераспределением пространства [43]. Роль географического ресурса в жизни государств взрывообразно растет вместе с демографическим взрывом. Страны бедные, но сильные своим демографическим ростом хотят поживиться за счет стран экономически преуспевающих, у которых, в свою очередь, поиски экологически благоприятных сред становятся основным занятием экономистов, политиков и ученых. Во все усиливающейся степени привлекает внимание тех и других огромность и незаселенность России.

По всей видимости, ни у одной из стран не сохранилось столь обширных пространств с кислородом особого, самого высокого качества, как у России. Здесь находится крупнейший в мире сравнительно единый массив естественных экосистем. Ни одна из стран не обладает такой огромной площадью особо охраняемых природных территорий, как Россия. Они составляют 12% от общей площади страны [38, 60].

Глобальная роль России в том и состоит, что она своего рода биосферно-терапевтический резерват земного шара. Почти половина ее пространств не отягощена антропогенной и техногенной нагрузкой. Это означает, что, пролетая над ними на самолете или разглядывая снимки из космоса, не удастся обнаружить никаких значимых следов человеческой деятельности – населенных пунктов, дорог, водохранилищ, линий электропередач, возделанных полей, даже огоньков среди ночи не видно. В Европе таких площадей Н.Н. Клюев насчитывает всего 2.8% [38, 39]. Если в Великобритании их 1.3%, то в Восточносибирской тайге – 95.6% [47].

Годовой баланс выделенного лесами России кислорода составляет 12.9 млрд т [47]. Именно российские леса и торфяники, где все процессы гниения очень замедлены, служат главными поставщиками кислорода планете. Тропические же леса больше поглощают кислород на процессы разложения и гниения, чем его производят [12, 31, 69].

Воздух России особенно насыщен отрицательными ионами кислорода. Стране принадлежит половина хвойных лесов планеты. Существенно обогащает воздух отрицательными ионами кисло-

рода самая протяженная береговая линия России с очень сильными прибоем и приливами на изрезанных побережьях. Половину площади страны занимают горы с их чистейшими пузырящимися от избытка кислорода водотоками. Нигде в мире, например, нет столь обильного количества водопадов на единицу площади, как на плато Путорана. Наконец, в стране немало дней с грозами.

После кислорода самое важное вещество для человека – вода. Страна владеет 20% мировых запасов пресных вод [44]. При этом ни одна территория не сопоставима с Россией по объемам и продолжительности целебного воздействия талых снеговых и ледниковых вод [2].

Вместе с тем расхожими в России стали представления, что в наш век информационных технологий ценность пространства и природных ресурсов неуклонно снижается. Пространство, – твердят нам, – многого не стоит, а стоит что-то стоящее, например, компьютеры или новые марки автомобилей. Складывается представление о больших пространствах как источнике всяких бед. Оттого, наверное, россияне в своем большинстве не усматривают в разрушении страны особой беды. “Живут же маленькие Нидерланды!”, – восклицают они.

«Ни в одной стране, тем более со стороны географов, нет такого нигилистического отношения к своей территории. Нигде она не объявлялась лишней, не признавались положительными процессы, “оголяющие” территорию, разрушающие с огромным трудом созданную на ней инфраструктуру, ставящие в катастрофическое положение миллионы людей, заставляя их покидать обжитой край» [45, с. 528].

География как идеология. Пространство, по словам Ю.К. Ефремова, служит природным ресурсом высочайшей дороговизны, вместительным всех других ресурсов и богатств [28]. В этом плане обеспеченный пространством рубль должен выглядеть самой устойчивой валютой мира. Если есть что-то более ценное, чем пространство, то это геном народа, его населяющего. Можно потерять пространство и все вмещаемые его богатства, но если сохранится геном народа, то он выживет и сможет вернуть утраченное.

В этом плане надо говорить о русском народе как об одном из крупнейших народов мира. По степени распространенности русский язык занимает четвертое место в мире после английского, китайского и испанского языков. Но далеко не все, считающие английский родным, идентифицируют себя как англичане. Американцы США не образуют единого антропологического типа и делятся на

несколько расовых групп. Американский народ – понятие такое же искусственное, как и советский народ. Испаноязычные латиноамериканцы тоже не отождествляют себя с испанцами. Китайцы вообще не говорят на одном языке. Их связывает воедино иероглифическая письменность, знаки которой записывают не звук, а смысл. Еще менее консолидированы индийцы (16 государственных языков Индии), индонезийцы (726 “живых” языков) и нигерийцы (505 языков) [64]. А вот русские не только говорят на одном и том же русском языке от Львова до Владивостока и от Ташкента до Норильска, но и обладают единой культурой, антропологией и психологией.

Л.Н. Гумилев не раз писал, что каждый из больших литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) господствует на территории, лингвистически гораздо менее однородной, чем территория русского, украинского и белорусского народов. С учетом своих внутриэтнических различий французы, немцы, итальянцы, англичане должны сравниваться не с русскими, украинцами и белорусами, а сразу со всеми восточноевропейцами, даже шире, чем только с восточными славянами.

Надо гордиться нашими атрибутами страны, создавшей крупнейшую на земле многонациональную структуру, объединившую разные лингвокультуры самых различных обществ. Москва для многих людей разных стран остается мистическим центром мира, в котором сохраняется интерес к православию. По различным оценкам, в мире насчитывается около 150 млн православных людей. Сама формула “Москва – третий Рим” напоминает о верности России первоначальным канонам христианства.

Одновременно наша история – самая жертвенная и кровавая. Россию постоянно обновляла бурная история катастроф. Все яснее вырисовывается их метаисторическая роль. “Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества”, – писал мыслитель-энциклопедист В.И. Вернадский [17].

Национальным триумфом американской истории стала своеобразная “фронтирность”, сложилось целое направление исследований роли фронта в формировании нации и государства [7, 8, 48, 75]. У нас же нет какой-либо “землепроходческой” атрибутики, подобной ковбойской или золотоискательской [7], ни атрибутики “Дикого поля” как степной границы между Востоком

и Западом, между мусульманской и христианской цивилизациями [3].

Русские землепроходцы в своем движении на восток за 50 лет продвинулись больше, чем на 100° в.д. Во всей всемирной истории невозможно указать другого подобного примера окончательного завоевания столь обширных пространств с таким сложным этническим составом, в столь короткий срок и таким ничтожным количеством людей. В то же время англоевропейцам для того, чтобы освоить территорию Северной Америки от Атлантического до Тихого океана, понадобилось около 350 лет [18].

На границе Аляски и Канады русское племя встречается с англосаксонским. Две ветви европейцев, направившись в разные стороны почти из одного центра, вновь сошлись на другом конце земного шара. История их народов – это история колонизаций. Но такая история выпала из российской идеологии и географии. Даже кабинет истории географических открытий исчез на географическом факультете МГУ.

Испанцы гордятся своими воинственными конкистадорами. Англичане воспевают мужество своих мореплавателей. Колониальные же завоевания Российской империи не стали базовым компонентом отечественной истории. Мы как будто стесняемся их. Не потому ли столь легко, в одночасье, одну из величайших стран на Земле удалось ввергнуть в рамки начала XVII в.?

Наши прадеды оставили нам великое достояние. Ни один гражданин ни одной страны не наделен такими просторами, как россиянин. В начале XIX в. на нашей планете проживало меньше 1 млрд людей. На каждого из них приходилось 7,9 га земельных угодий. В 2005 г. их площадь “сжалась” до 2 га [40, с. 21]. А на каждого человека в России приходится сегодня по 8 га земли. Житель Российского Севера в 100–200 раз богаче природно-территориальными ресурсами и ненарушенным хозяйственной деятельностью жизненным пространством, чем житель Европы [47].

Россия охватывает самую крупную континентальную глыбу планеты и соединяет в себе Восток и Запад, Север и Юг. Страна соприкасается с главными мировыми цивилизациями. Половина ее территории приходится на северные районы земной суши. Здесь сконцентрирован самый большой сгусток приполярного населения земного шара (80%). Одна Сибирь значительно больше такого материка, как Австралия. Контуром Сибири можно свободно накрыть три Индии или две Западные Европы. Даже США и Китай уступают

по размерам нашей Сибири. Нет таких слов, которые могли бы выразить размах России.

Из всех отраслей экономики больше всех заинтересована в возвышении своей страны ориентированная на внутренний въезд туристская индустрия, но здесь дела обстоят совсем неважно. На цели рекламирования России в мировом туристском пространстве выделяется 2.5 млн евро в год. Для сравнения: средний бюджет на рекламу туризма в европейских странах составляет 31 млн евро [21]. На этот заказ развитые страны ежегодно выделяют средства, входящие в число приоритетных расходных статей государственно-го бюджета.

Начатая с 90-х годов XX в. рекламная кампания в Великобритании по формированию и трансляции положительного образа страны показывает его такими понятиями, как стабильность, прогресс, высокий уровень жизни, научные технологии, качественное образование и т.д. [14, 73]. Развернутая широкая кампания “Посетите Японию” по превращению страны в “великую туристскую державу” поставлена в ранг национальной задачи. Конструирование образа тут выстраивалось на ореоле загадочности японской экзотики и тонком переплетении в ней сакрального и природного начал [66].

Целая индустрия природно-культурного наследия зиждется на имиджевом продвижении [37, 52]. По количеству памятников наследия объектов Фонда Всемирного наследия ЮНЕСКО Россия стоит на 8-м месте в мире (25 объектов). Больше, чем в России, памятников наследия в Италии (47), Испании (44), Китае (40), Франции (38), Германии (37), Мексике (31), Индии (28) и Великобритании (28). Однако в пересчете количества этих объектов на площадь Россия оказывается на одном из последних мест в мире. В России один объект наследия приходится на 700 тыс. км², для сравнения: на Кубе один объект наследия приходится на 13 тыс. км², в Италии – на 64 тыс. км² [26].

Как ни у одной из стран мира, география может служить у России ее философией и национальной идеей не только из-за обширности пространств, но еще из-за размытости исторических пределов. История России систематически искажалась и сводилась от 1000-летней то к 70-летней, то к 300-летней, то вообще непонятно к какой. Но сегодня наиболее обеспечивают политическую преемственность страны именно ее географические атрибуты.

Вся система географических наук становится все менее дифференцированной на физическую и экономическую географию. Возникает ее новое

деление, возвращающее к исходному целому с подразделением на две главные части – общую географию, или землеведение, и региональную географию, или страноведение [46].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова Т.Д.* Владимир Иванович Вернадский и географы (избранные места из переписки) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 4. С. 20–29.
2. *Алексеев В.Р.* Талая вода – криогенный ресурс планеты // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 14–24.
3. *Афанасьев О.Е.* Фронтирность и дуальность как интегральные характеристики геоисторического региона “Юго-Восточная Украина” // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 166–174.
4. *Багров Н.В.* География в информационном мире. Симферополь, 2004. 213 с.
5. *Баранский Н.Н.* Страноведение и география физическая и экономическая // Баранский Н.Н. Избр. тр. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980. С. 18–51.
6. *Барков А.С.* О научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 71–83.
7. *Белаш Н.Ю.* Фронтьер в Америке. Фронтьер в России? // География. 1996. № 5. С. 12–13.
8. *Белаш (Замятина) Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
9. *Берг Л.С.* Предмет и задачи географии // Изв. ИРГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463–475.
10. *Берг Л.С.* Предмет и задачи краеведения. Как изучать свой край. Л., 1925. 65 с.
11. *Берг Л.С.* Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. Л., 1930. 402 с.
12. *Болдырев В.* Атмосферным кислородом по глобализации и кредиторам // Промышленные ведомости: экспертная общероссийская газета. 2001. № 5–6 (16–17), март. URL: http://www.promved.ru/mart_2001_01.shtml
13. *Борейко В.А.* Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. М.: ЛОГАТА, 1998. 298 с.
14. *Борисенко И.В.* Особенности национального образа Великобритании // Сб. статей Всерос. науч.-практич. конф. “Актуальные проблемы философии социально-гуманитарных наук”. Р-н/Д., 2008. С. 36–42.
15. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М.: РНИИ культ. и прир. наследия, 1997. 224 с.

16. *Веденин Ю.А., Туровский Р.Ф.* Культурная география. М.: РНИИ культ. и прир. наследия, 2001. 192 с.
17. *Вернадский В.И.* “Мирное сожительство народов...” (Из размышлений по национальному вопросу) // Советская культура. 14 сентября 1989 г. С. 6.
18. *Вернадский Г.В.* Русская история. М.: Аграф, 1997. 544 с.
19. *Вешининский Ю.Г.* Социально-эстетические оценки москвичами культурного пространства России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 5. С. 120–129.
20. *Владимирский Н.* К пониманию краеведческого движения // Краеведение. 1924. № 3. С. 219–222.
21. *Власова Т.И.* Экономика современного туризма: состояние и проблемы // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования / Тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 27–28 апреля 2012 г. СПб.: Д.А.Р.К., 2012. С. 24–31.
22. *Генис А.* Культурология. М.: У-Фактория, 2003. 544 с.
23. *Говорова О.К.* Роль инфраструктуры туризма Приморского края в туристской индустрии Дальневосточного Федерального округа // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования / Тр. III Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 24–25 апреля 2008 г. М.: Диалог культур, 2009. С. 290–294.
24. *Гревс И.М.* Экскурсионное дело и нужды российской культуры // Наука и ее работники. 1922. № 3–4. С. 3–14.
25. *Григорьев Ал.А.* Знаки и образы в географическом страноведении. СПб: ТЕССА, 2010. 342 с.
26. *Григорьев Ал.А.* География всемирного наследия. СПб.: Астерион, 2012. 344 с.
27. *Дьяконов К.Н.* Ландшафтоведение в современном обществе и актуальные задачи ландшафтных исследований // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования, практика / Матер. XI Междунар. ландшафтной конф. / Ред. К.Н. Дьяконов. М.: Геогр. факультет МГУ, 2006. С. 8–15.
28. *Ефремов Ю.К.* Об охране пространства // Изв. РГО. 1997. Вып. 3. С. 44–46.
29. *Ефремов Ю.К., Калинин Ф.П., Юньев И.С.* Значение краеведения для советской географии // Матер. к III съезду ГО СССР / Доклады по проблеме “Состояние географии в средней и высшей школе в связи с реформой среднего и высшего образования”. Л.: ГО СССР, 1959. 24 с.
30. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом племенном, экономическом и бытовом значении. В 13 т. СПб–М.: Вольф, 1881–1890.
31. *Замолодчиков Д.Г.* Кислород – основа жизни // Вест. РАН. 2006. Т. 76. № 3. С. 209–218.
32. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
33. *Зорин И.В.* Феноменология путешествий. Ч. I. Этнология путешествий. М.: Советский спорт, 2004. 128 с.
34. *Исаченко А.Г.* Страноведение и геоэкология: желаемое и действительное // Изв. РГО. 2014. Вып. 4. С. 45–57.
35. *Ишмуратов Б.М.* География – кризис идентичности // Геогр. исследования Сибири. Т. 5. Общественная география. Новосибирск: 2007. С. 18–41.
36. *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. Уч. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2000. 96 с.
37. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
38. *Клюев Н.Н.* Эколого-географическое положение России и ее регионов. М.: Ин-т географии РАН, 1996. 160 с.
39. *Клюев Н.Н.* Россия на экологической карте мира // География. 2001. № 47. С. 3–6.
40. *Клюев Н.Н., Сдасюк Г.В., Тишков А.А.* Мировые кризисы – необходимость реализации программ перехода к устойчивому развитию // Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 10–38.
41. *Колосов В.А.* Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 86–94.
42. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2002. 480 с.
43. *Колосов В.А., Бородулина Н.А., Галкина Т.А., Вендина О.И., Заяц Д.В., Юр Е.С.* Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Полис. 2003. № 3. С. 33–49.
44. *Коронкевич Н.И., Барабанова Е.А., Бибикина Т.С., Зайцева И.С.* Россия на водохозяйственной карте мира // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 1. С. 7–18.
45. *Котляков В.М.* Избранные сочинения. Кн. 6. Наука – это жизнь. М.: Наука, 2003. 576 с.
46. *Котляков В.М.* Современность географии // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2011. № 6. С. 4–12.
47. *Котляков В.М., Лосев К.С., Ананичева М.Д.* Сравнение нарушенности экосистем России и других стран Европы // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 2. С. 18–19.
48. *Кочан В.М.* Проблема границ и пограничья в социокультурных исследованиях конца XIX–XX вв. // Вісник СевДТУ. Вип. 86: Філософія. Севастополь, 2008. С. 70–73.

49. *Кружалин В.И.* Теоретические и практические аспекты развития туризма и рекреации в России // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2011 г. СПб.: Д.А.Р.К., 2012. С. 16–23.
50. *Крылов М.П.* Современная региональная идентичность в Европейской России: Север–Юг // Изв. РАН. Сер. геогр. 2005. № 5. С. 51–60.
51. *Лысикова О.В.* Социальные практики российских туристов: предпочтения стран и городов посещения // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 31–45.
52. *Мазуров Ю.Л.* Экотуризм в России: Глобальный контекст и национальные особенности // Зеленый мир. 2002. № 20 (394). С. 15–22.
53. *Манаков А.Г.* Основы культурно-географической регионалистики. Псков. 2006. 188 с.
54. *Нарезный В.П.* Синергетическая география, или страноведение третьего поколения: понятие и основное содержание // Матер. науч. конф. XXXIV Огарёвские чтения. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. С. 26–34.
55. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: УРСС, 1999. 272 с.
56. *Рагулина М.В.* Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2004. 173 с.
57. *Рагулина М.В.* Культурная география: современное состояние и основные направления // Геогр. исследования Сибири. Т. 5. Общественная география. Новосибирск, 2007. С. 101–119.
58. *Ратцель Ф.* Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. Т. 1. СПб.: 1905. 736 с.
59. *Риттер К.* Идеи о сравнительном землеведении // Магазин землеведения и путешествий. Геогр. сб. Т. 11. 1853. 481 с.
60. *Родзевич Н.Н.* Экологическая самодостаточность России // География в школе. 2002. № 1. С. 3–9.
61. *Родоман Б.Б.* Некоторые общие черты географических наук и задачи единой географии // Философские вопросы естествознания. Т. 3. 1960. С. 299–327.
62. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. рук. П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. В 19 т. СПб.: 1899–1914.
63. *Самохин Ю.С.* Как помочь школьнику-краеведу // Краеведческий альманах. 2009. № 1. С. 29–32.
64. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях // Матер. 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. Российская ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 81–107.
65. *Смирнягин Л.В.* Возможности и потребности заимствований теоретических основ западной географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития // Матер. междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону 4–8 мая 2010 г. / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. Р-н/Д. 2010. С. 78–82.
66. *Стегиненко А.С.* Туристские образы префектур Японии: методика изучения и типология // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 85–94.
67. *Стрелецкий В.Н.* Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33.
68. *Строев К.Ф.* Краеведение. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
69. *Ткаченко Н.Ф.* Кислородная недостаточность // Мировая энергетика. 2004. № 7–8. С. 54–57.
70. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
71. *Халий И.А.* Общественные движения в России до конца 1920-х годов // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 56–70.
72. Речь Президента РГО С.К. Шойгу на Арктическом форуме 21 сентября 2010 года // <http://www.rgo.ru/2010/09/shojgu-razvitie-nacionalnoj-geografii-dolzno-sluzhit-interesam-rf/>
73. *Kumar K.* The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 384 p.
74. *Ratzel F.* Anthropogeographie, oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Bd. 1–2. Stuttgart, 1882–1891.
75. *Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History // The Frontier in the American History. Washington, Vancouver. 1976. P. 1–38.
76. *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007. 336 p.

Country Study Component of Geographical Science

Yu.N. Golubchikov* and V.M. Kotlyakov**

*Faculty of Geography, Moscow State University, Moscow, Russia

***Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: golubchikov@list.ru, vladkot6@gmail.com*

Many people believe that the traditional descriptive geography has exhausted. The position dominates that the country description is not a contribution to science, whereas the regularity, which was confirmed by quantitative measurements, has scientific value and importance. But the vast majority of people believe that the geography is the science about countries. Ignoring local geography and regional geography by geographers leads to neglect of opportunities of geographical science. The task of designing the national geography requires the unity of its physical and economic branches, ties them both to history and politics. Adjustments to the curriculum of geographic, touristic and humanitarian specialties of higher education institutions are required. Multi-volume regional editions of “Russia” and “Picturesque Russia” described the nature together with way of life and style of thinking of inhabitants. Similar by the goals and objectives, the editions of “Soviet Union” and “Environmental Condition and Natural resources of the USSR”, published in the 60s – early 70s, were incomplete because of the lack of attention to a human being. For any state the creating of its attractive portrait to raise its prestige is no less important than the strengthening of the military and economic power. The global role of Russia is that it is a kind of biosphere-therapeutic reserve of the globe, almost half of its spaces are not burdened by anthropogenic and technogenic load. It is geographic attributes that provide political continuity of the country. Together with the traditional division of geography on the physical and socioeconomic geography it should be emphasized and the other two main parts – a general geography and regional geography.

Keywords: global role of Russia, general geography, image of Russia, local geography, geography of Russia, regional geography, tourism.

doi:10.15356/0373-2444-2016-1-8-18